

Инна Квасивка

Посреди событий и времен

Летом

Нестерпимым летом, страшным летом
в форму камуфляжную одеты
парки и леса, поля и горы...
вот из берегов выходит горе
и смывает все, что на пути, –
эту реку нам не перейти.

Нестерпимым летом, страшным летом
гнезда вьют крылатые ракеты
посреди больниц, на школьных крышах,
в шатких колыбелях, там, где слышен
щебет человеческих птенцов.
Нынче смерть с младенческим лицом.

Нестерпимым летом, страшным летом
мертвым матерям приносят дети
воду, хлеб, консервы на могилы
прямо во дворах, где погубили
их чужие – в прошлом тоже дети –

добрые, наивные, как эти.

Нестерпимым летом, страшным летом
мы в иглу войны, как нить, продеты –
и война, от края и до края

крестиком несчастье вышивая,
заполняет клеточки земли,
сколько о пощаде ни моли.

* * *

Все, что нам осталось, – просто жить,
не желая лучшего, не веря,
как загон для раненого зверя –
родина моя. Стальную нить
протянула смерть – в ее границах
спеет время, время колосится,
чтобы дать живым насущный хлеб.

Вот мой дом – святилище и склеп!

Расскажи: кому теперь молиться,
чтоб чужие огненные птицы
здесь не вили гнезда и во степь
города вокруг не превращали.
У свинцовой ночи есть начало,
у свинцовой ночи нет конца.

Тяжелее этого свинца
только безвоздушная тревога –
я сроднилась с ней, как дьявол с богом,
и она – смотри – на пол-лица,
половину сердца съела, что же...
Я ведь и сама тебя тревожу,
как тревожить может страшный сон.

Посреди событий и времен
я едва держусь (чего бы ради?),
стойкий оловянный мой солдатик
сам собой убит и побежден.
Не желая лучшего, не веря,
я подобна загнанному зверю.

Все, что мне осталось, – просто быть.

Ни слова

Ни слова о войне.
Побудь наедине
со мной, пока еще
вдвоем быть можно,
пока цветет сирень,
и мы в плену сирен,
как пойманные птицы,
осторожны.

Пока не грянул гром
и цел под небом дом,
и молнии ракет
не засверкали –
не говори про то,

что жизнь, как решето:
просеет много, но оставит
мало.

Молчи, чтоб тишина
окутала сполна,
чтоб сквозь нее
не прорвалось ни звука,
как будто мы давно
мертвы, и нам дано
все лучшее, рождаемое
в муках.

Еще о том молчи,
как слезы горячи,
как пальцы холодны
перед разлукой.
Я промолчу в ответ,
я не сломаюсь – нет –
ни слова о войне.
Ни даже звука.

* * *

Отчего же ты, брат Каин,
поднимаешь на меня руку,
превращаешь в живой камень,
высекаешь на мне буквы
и, на прочность мой нерв пробуя,
освящаешь, как крест надгробия?

Освящаешь родной смертью,
заставляешь стоять ровно
у могил, где всю черви
разъедают твоих кровных,
чтобы новых убитых авелей
на съедение предоставили.

Пожелай же мне, брат Каин,
среди мертвых, среди невинных
жить и здравствовать без скитаний,
жить и здравствовать на руинах,
если только смогу не спятить я

у кладбищенского распятия.

